

На Босфоръ ¹⁾.

XXVIII.

Еще изъ Константинополя, 15 ноября 1878 г., я писалъ Н. Н. Обручеву „о необходимости ликвидаціи нашихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ на основаніи Берлинскаго трактата. Но прежде, чѣмъ обратиться къ условіямъ этой ликвидаціи, необходимо сказать нѣсколько словъ о силахъ и теченіяхъ, противодѣйствующихъ реализаціи мира.

Большую надежду возлагаютъ на полюбовное соглашеніе съ Австріею. Но тутъ является основной вопросъ, чѣмъ она можетъ удовлетвориться? Съ глубокимъ уваженіемъ свидѣтельствую, что она захочетъ имѣть не только весь Коссовскій вилаѣтъ, но и имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи всю желѣзно-дорожную зону до Егейскаго моря съ Солуньей включительно. Если бы даже она ограничилась однимъ Ново-Базарскимъ санджакомъ, возможно ли намъ было на это согласиться, зная, что этимъ отдаются въ ея подчиненіе оба сербскія княжества.

Нѣтъ, полюбовнаго соглашенія съ Австріею мы никогда не достигнемъ, тѣмъ болѣе, что въ ея претензіяхъ она всегда будетъ поддерживаться Германіею, стремящейся ее вытѣснить окончательно съ германской территоріи, которая по мнѣнію Бисмарка оканчивается адриатическимъ побережьемъ. При такихъ условіяхъ болгарамъ, сербамъ и грекамъ остается сдѣлать самимъ дѣло и быть нами поддержанными въ совершившемся фактѣ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюль 1913 г.

Въ настоящее время болгары надѣются пассивнымъ сопротивленіемъ въ Македоніи и Эракіи добиться ихъ присоединенія къ княжеству. Поддерживать такую гипотезу было бы съ нашей стороны и наивно, и неразумно. Какъ государственный организмъ, Турція ничтожество, но она еще несомнѣнно владѣетъ грубою силою, способною залить кровью возставшую раю. Настоящая игра болгаръ въ кошки-мышки съ турецкими войсками въ Македоніи вызоветъ такую бѣду, отъ которой придется спасать „братушекъ“ нашимъ войскамъ. А въ какомъ положеніи мы очутимся при арміи, располагавшейся отъ Бургаса до Салоникъ, когда 3-го мая намъ будетъ сдѣлано заявленіе объ удаленіи съ Балканскаго полуострова! При такихъ условіяхъ рѣшимся ли мы принять вызовъ Австріи, поддержанный Англією и Германією. При этомъ сомнительно, чтобы Италія осталась постороннею зрительницею.

Особую энергію развиваютъ англичане въ возбужденіи противъ насъ турокъ и болгары въ подстрекательствѣ нашей администраціи въ ихъ странѣ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, но обѣ силы дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, стремясь насъ втянуть въ хаосъ событій. Чтобы умалить страхъ за Константинополь, англичане не щадятъ средствъ на укрѣпленіе Чаталджинской позиціи, но положительные результаты въ этомъ направленіи могутъ быть достигнуты, въ виду поздняго времени года, не ранѣе полугодового срока.

Мнѣ кажется, что настоящимъ положеніемъ нужно воспользоваться, чтобы окончить счеты съ Блистательною Портою до очищенія нашими войсками Адрианопольскаго вилаята. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что общественное мнѣніе мусульманскаго общества сильно измѣнилось въ нашу пользу, благодаря восторженнымъ отзывамъ тѣхъ до 30 т. военно-плѣнныхъ, которые побывали въ Россіи и на дѣлѣ убѣдились въ русскомъ добродушіи, а теперь возвратились домой. По ихъ словамъ они были не въ неволѣ, а дорогими гостями у москалевъ-побѣдителей“.

Различныя положенія разграничительныхъ работъ международныхъ комиссій мною изложены въ цѣломъ рядѣ донесеній и писемъ. Особенное вниманіе обращаетъ на себя комиссія разграниченія Болгаріи отъ Румыніи. Члены этой комиссіи были встрѣчены румынскими министрами на Дунаѣ съ предупредительнымъ гостепрѣимствомъ. На правительственномъ пароходѣ всѣ удобства были приготовлены съ удивительною заботливостью на государственный счетъ. Хотя по Берлинскому трактату

тату комиссія должна была провести сухопутную границу въ условіяхъ страны, румынскіе министры съ первыхъ же словъ стали говорить о желѣзно-дорожномъ мостѣ черезъ Дунай, доказывая, что единственнымъ мѣстомъ его устройства можетъ служить одна Силистрія. Хотя всѣ выдвигаемыя ими данныя шли въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, во всѣхъ нашихъ войнахъ на этомъ пространствѣ мосты строились неизмѣнно у Гирсова, заявленія нашего делегата были оставлены безъ вниманія. Напрасно предлагалось, въ доказательство замаскированной цѣли, только выиграть берегъ по Дунаю и уничтожить крѣпость, ввести въ постановленіе условное выраженіе, что граница утверждается лишь тогда, когда румынское правительство въ дѣйствительности выстроитъ здѣсь желѣзно-дорожный мостъ. Въ редакціи французскаго делегата постановленіе состоялось въ такомъ изложеніи: „Pour se conformer aux stipulations du Traité de Berlin et donner au gouvernement Roumain la possibilité d'établir une communication entre les deux rives du fleuve, sur l'emplacement reconnu le plus propice en amont de la Borcia et à travers les îles, le point d'attache de la nouvelle frontière à l'Est de Silistrie sera fixé sur la rive droite du Danube en face du Deirmen Tabiassi, à huit cents mètres du bastion Nord-Est de la ville (Itch Tchenguél Tabiassi)“.

Такое ни на чемъ не основанное постановленіе, явно противорѣчившее даже берлинскому трактату, грозило въ будущемъ большими усложненіями. Посолъ сдѣлалъ попытку къ его исправленію путемъ соглашенія съ послами великихъ державъ, но большинство изъ нихъ уклонилось по случайнымъ причинамъ, а представитель Франціи, Фурнье, заявилъ, что не имѣетъ для этого соответственныхъ полномочій. Оставалось обратиться къ международнымъ сношеніямъ, но предлогъ къ нимъ нашимъ правительствомъ не былъ признанъ достаточно солиднымъ.

Вообще характеръ работъ въ международныхъ комиссіяхъ разграниченія былъ скорѣе миролюбивый и даже безпристрастный. Нѣкоторое исключеніе составляли делегаты Турціи и Англіи, первые въ черногорской комиссіи, а послѣдніе въ азіатской. Въ болгарской, сербской и черногорской предсѣдателями были избраны французы. Въ восточно-румелійской комиссіи былъ принятъ порядокъ очередного предсѣдательства. Въ азіатской, при незначительномъ числѣ делегатовъ, дѣло обходилось вовсе безъ предсѣдателя. Рѣшеніе вопросовъ принципиальныхъ во всѣхъ комиссіяхъ было принято по единогласію, въ подробностяхъ—простое большинство голосовъ.

Въ болгарской комиссіи только окрестности с. Петричева давали нѣкоторый просторъ рѣшенію, но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ остальныхъ, большинство пожелало держаться какъ можно ближе къ буквѣ трактата. На Великихъ Балканахъ граница установлена отъ с. Косицы до Шипки по гребню, и только тутъ граница выдвинута къ сѣверу уступкою позицій, но кладбище осталось въ предѣлахъ княжества. Работу замедляли англійскіе офицеры съ топографами, все искавшіе позиціи для турокъ. Хотя официально работа мотивировалась необходимостью дополнять карту страны, но топографы относились къ ней весьма небрежно, сосредоточивая свое вниманіе на военныхъ интересахъ турокъ. При этомъ нужно замѣтить, что русскія карты отличались крайнею точностью, въ чемъ иностранные делегаты не могли отказывать нашимъ топографамъ въ справедливой оцѣнкѣ. Делегаты удивлялись, какъ много было сдѣлано въ короткій срокъ оккупациі.

Въ черногорской комиссіи турецкіе уполномоченные, а за ними и оттоманское правительство, опротестовали официальное значеніе карты австрійскаго генеральнаго штаба и рядъ постановленій, на ней основанныхъ, по мнѣнію Турціи:

1) Параграфъ 28-й берлинскаго трактата направляетъ границу, на участкѣ между Скутарійскимъ озеромъ и Адриатическимъ моремъ, между Мегуредомъ и Калимедомъ. Карта австрійскаго генеральнаго штаба показываетъ Калимедъ селеніемъ— между тѣмъ, селенія такого названія не существуетъ, Калимедомъ же называется холмъ возлѣ селенія Миколика.

2) Ошибочно названный на австрійской картѣ, островъ Горица-Топаль есть не что иное, какъ Горица-Планикъ. Настоящій же островъ Горица-Топаль находится болѣе къ с.-з., близъ Горица-Плакъ, напротивъ Систана.

3) По трактату новая граница направляется изъ Подгорицкой равнины на Плавницу. Но Плавница австрійской карты есть селеніе Зетица, настоящая же Плавница находится болѣе къ западу, къ сторонѣ Жабляка.

4) По трактату новая граница совпадаетъ съ предѣлами племени Кучи-Дрекаловичи съ одной стороны, и Кучи-Крайны, Клементи и Груды—съ другой, до равнины Подгорицы, откуда направляется на Плавницу, оставляя Турціи племена Клементи, Груды и Хоти. Австрійская карта изображаетъ неправильно предѣлы Груды-Клементи, Кучи-Крайны. Она отводитъ территорію племени Клементи на мѣсто, принадлежащее племени Груды, тогда какъ первое расположено значительно сѣвернѣе

указанія карты. Такимъ образомъ, если провести новую границу по австрійской картѣ, она пройдетъ поперекъ Клементи, Груды и Кучка-Крайны и оставитъ за Черногорією большой участокъ, который долженъ оставаться за Турцією.

Но ни за однимъ изъ утверждений и объясненій турецкихъ делегатовъ нельзя признать основательности. Они отвергаютъ значеніе австрійской карты, какъ дополнительнаго документа къ трактату, и предлагаютъ держаться исключительно одного текста. Но какъ поступить, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ того же § 28-го „граница достигаетъ точки 2166 карты австрійскаго генеральнаго штаба“. Гдѣ надѣются они найти эту точку, отбросивъ австрійскую карту? А такихъ опредѣленій въ трактатѣ не мало.

Въ текстѣ трактата приведено названіе Калимедъ безъ опредѣленія, что это: гора ли, селеніе или урочище, очевидно съ тою цѣлью, чтобы устранить недоразумѣніе въ этомъ сомнительномъ для писавшихъ текстъ случаѣ, и точно указать, что граница должна идти посрединѣ между двумя надписями карты. Порта обличаетъ невѣрность австрійской карты, на которой у Калимеда стоитъ кругъ—условный знакъ селенія, не обращая вниманія на то, что конгрессъ долженъ же былъ руководствоваться какими-либо данными и что этими данными служили указанія австрійской карты.

Случай съ островомъ Горица-Топалъ еще рельефнѣе рисуетъ значеніе карты австрійскаго генеральнаго штаба. Граница пересѣкла островъ, на картѣ названный Горица-Топаломъ. Оказывается, что это ошибка, что островъ, отвѣчающій по своему положенію острову Горица-Топалъ на картѣ, имѣетъ другое названіе, но что существуетъ и о. Горица-Топалъ, только значительно въ сторонѣ. Общій голосъ делегатовъ рѣшаетъ признать пограничнымъ тотъ островъ, который отвѣчаетъ по своему положенію на мѣстности по указанію карты, не обращая вниманія на названіе. Одни турки требуютъ границы черезъ островъ, носящій въ дѣйствительности названіе Горица-Топала. Если допустить это требованіе, то какъ связать это направленіе съ дальнѣйшею пограничною линією, установленною трактатомъ между Скутарійскимъ озеромъ и Адриатическимъ моремъ. По тексту „отъ острова Горица-Топала пограничная линія достигаетъ въ прямомъ направленіи вершины гребня, откуда слѣдуетъ по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ“. Турецкій делегатъ чертитъ этотъ участокъ границы на хребетъ Румія, а не на безымянный гребень, находящійся по картѣ между Ме-

гуредъ и Калимедъ, и не въ прямомъ направленіи, а сильно наклонною. Эта серія уклоненій отъ текста трактата яснѣе всего обнаруживаетъ неправильность сужденія турокъ.

То же самое въ отношеніи сел. Плавницы. Рѣшительно все равно, гдѣ бы ни находилось это селеніе въ дѣйствительности, для разграниченія важно его положеніе на картѣ, какъ пункта, который могъ бы вѣрно опредѣлить положеніе границы на мѣстности. Иначе можно дойти до самыхъ невозможныхъ выводовъ. Если бы въ данномъ случаѣ сел. Плавница находилось на мѣстности не вблизи отъ данной линіи, а въ разстояніи, наприм., 50 километровъ, неужели Порты потребовала бы все-таки направить границу на Плавницу?

Что же касается до опредѣленія границъ территорій племенъ Кучи-Дрекаловичи, Клементи, Кучи-Крайна, Груды-Хоти, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что начертанныя Портой границы точно также ошибочны, какъ и данныя австрійской карты. Точно опредѣлить границы племенъ невозможно. На конгрессѣ была проведена на картѣ граничная черта, и только ею и можно руководствоваться. Вообще при начертаніи въ Берлинѣ новыхъ границъ пограничная линія прежде проводилась на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба, а уже потомъ описывалась въ текстѣ. Такъ именно понимался этотъ порядокъ во всѣхъ коммиссіяхъ, и только въ черногорской вызвалъ противорѣчіе. Ясно, что текстъ не можетъ расходиться съ картой, такъ какъ съ нея списанъ.

Кстати замѣтить, что всѣ официальные изданія австрійскихъ картъ столько же отличаются изяществомъ изданій, сколько невѣрностью данныхъ. Карты земель Балканскаго полуострова составлены большею частью изъ свѣдѣній частныхъ путешественниковъ, собранныхъ и обработанныхъ картоиздательствомъ Арторія. У насъ съемочное дѣло обставлено очень хорошо и исполняется съ большею тщательностью. Въ результатѣ получается высокій картографическій матеріалъ, но работа топографовъ подвигается медленно, почему на большомъ пространствѣ государственной территоріи мы остаемся вовсе безъ картъ.

На повторенныя Портой приказанія немедленно передать Черногоріи мѣстности ей прирѣзанныя по трактату, вали Скодрскаго вилаята, Гуссейнъ-паша, отвѣчаетъ, что въ выполненіи онъ встрѣчаетъ важныя затрудненія. Порты стала его опасаться, подозрѣвая въ сепаратистическомъ стремленіи. Боясь въ то же время политическихъ затрудненій отъ невыполненія трактата,

турецкое правительство обратилось къ содѣйствию Рифаиташаши, того самаго, который умѣлъ быстро и мирно передать въ наше владѣніе мѣстности въ Малой Азіи и ловко успокоить волненія между лазами. Порта вручила Рифаиту полномочіе смѣнить Гуссейна и подчинила ему всѣ войска Скодрскаго вилаята. Этой мѣрѣ она не придавала, однако, гласности изъ опасенія вооруженнаго сопротивленія Гуссейна, а поручила ему частнымъ путешественникомъ прибыть въ Скутари и тамъ уже объявить волю султана, низложить Гуссейна и принять главное начальство надъ войсками.

Для установленія нашей азіатской границы, въ Берлинѣ она была раздѣлена на двѣ части. Отъ берега Чернаго моря до окрестностей Караурчана, около 248 версты, должна была быть проведена делегатами только нашими и турецкими. Въ проведеніи же дальнѣйшей части, отъ окрестностей Караурчана черезъ Кессадагъ къ нашей прежней границѣ, долженъ былъ принять участіе еще англійскій делегатъ. Хотя первая часть была обезпечена на мѣстѣ съ общаго согласія, пересмотрѣна и окончательно утверждена въ Константинополѣ, тѣмъ не менѣе вновь появившійся англійскій подполковникъ не постѣснялся потребовать пересмотра окончанія первой части границы и прекратилъ работу, когда въ этомъ ему было отказано.

12 декабря 1878 г. я писалъ Н. Н. Обручеву: „обращаетъ на себя вниманіе возрѣніе на свою будущую судьбу тѣхъ изъ турокъ, въ которыхъ нравственныя чувства еще не заглохли, а алчность личнаго обогащенія не уничтожила состраданія къ своимъ единовѣрцамъ. Надежда на возрожденіе силы османовъ въ нихъ пропала, вѣры въ оздоровленіе мусульманскаго государственнаго организма болѣе нѣтъ. Единственное спасеніе для себя они видятъ въ христіанскихъ правительствахъ, которымъ готовы подчиниться изъ-за улучшенія быта мусульманской массы. Корень зла, по ихъ мнѣнію, кроется въ полномъ отсутствіи образованія. Куда бы ни поступили турецкіе юноши, въ рушдіе ли, или медресе, ихъ способности забиваются изученіемъ чуть не наизусть отъ доски до доски необъятнаго корана, положенія котораго хотя и не считаются божественнымъ откровеніемъ, тѣмъ не менѣе святы, неприкосновенны и не допускаютъ комментаріевъ. Какого же развитія могутъ достигнуть даже способнѣйшіе изъ турецкой молодежи. Инстинктивно чувствуя неудовлетворительность своего образованія, большинство изъ нихъ противопоставляютъ непреложнымъ указаніямъ корана его отрицаніе и считаютъ себя просвѣщенными, облачившись

въ европейскій костюмъ и подражая западному разврату. Отсюда такъ называемая, молодая Турція. Рѣдкія исключенія составляютъ тѣ, у которыхъ сохраняется серьезное и честное направленіе, и которыхъ судьба бросаетъ въ здоровую среду европейскаго общества. Немногими видами турецкая молодежь достигаетъ до самостоятельнаго развитія. Но мусульманскій народъ не имѣетъ никакой пользы отъ такихъ счастливыхъ исключеній, ибо самая почва общественной дѣятельности неблагоприятна къ примѣненію честныхъ и трезвыхъ понятій. Не говоря объ улемѣ, два пути общественной дѣятельности открываются предъ зрѣлымъ османомъ: гражданская и военная, но ни тамъ, ни здѣсь его благія намѣренія не оказываются примѣнимыми.

На гражданской онъ разомъ окутывается сѣтью личныхъ связей между администраторами всѣхъ степеней іерархіи, другъ друга поддерживающихъ въ цѣляхъ общаго обогащенія, равно невѣжественныхъ и развратныхъ, не разбирающихъ средствъ для удовлетворенія своей алчности. Въ такой средѣ нѣтъ мѣста для какого бы ни было дѣла. На каждомъ шагу встрѣчаются неимоверныя трудности для разумной администраціи, повсюду легкіе способы наживы.

Въ дѣлѣ гражданского управленія администраторъ сталкивается съ кораномъ и шаріатомъ, представители которыхъ, чины улема, останавливаютъ его распоряженія безусловнымъ „veto“ во имя священнаго запрета. Владѣя богатствами вакуфа, мусульманское духовенство представляетъ собою тѣмъ большую силу, что, кромѣ могущества денегъ, во многихъ мѣстахъ оно сохраняетъ еще въ своихъ рукахъ и силу религіознаго фанатизма“.

На берегахъ Невы.

XXIX.

Осенью, еще въ Буюкъ-Дере передъ выѣздомъ въ Петербургъ, я получилъ письмо такого содержанія.

За военнаго министра

25 сентября 1879 г.

№ 699.

С.-Петербургъ.

Милостивый Государь,

Георгій Ивановичъ!

Г. военный министръ поручилъ мнѣ выразить вашему превосходительству особенную благодарность его сіятельства за доставленный вами замѣчательный трудъ „Очеркъ европейскихъ провинцій Турціи“.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь сообщить, что вамъ разрѣшено прибыть на зиму въ Петербургъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Графъ Гейденъ.

Его превосходительству

Г. И. Бобрикову.

Особенная благодарность такого лица, какъ графа Д. А. Милютина, признавашаго мой трудъ замѣчательнымъ, мнѣ доставила большое удовольствіе. Прежде всего я былъ оцѣненъ, и потому меня, вѣроятно, будутъ слушать. Мнѣ разрѣшалось пребываніе въ столицѣ на всю зиму, чѣмъ давалась возможность имѣть время поработать, чтобы подвести итоги моей многоразличной работѣ и достойно ее увѣнчать. Письмомъ давались шансы на успѣхъ, но не увѣренность. Не въ первый разъ приходилось мнѣ возвращаться изъ заграничной командировки съ богатымъ запасомъ знаній и твердою вѣрою успѣшнаго ихъ примѣненія къ роднымъ нуждамъ и потребностямъ. И каждый разъ какъ-то такъ случалось, что самое существенное, по моему мнѣнію, оставалось въ сторонѣ, а приходилось ограничиваться вокругъ и около. Но то были отдѣльныя, кратковременныя поѣздки, крупныя опыты, шлифовавшія знаніе; тогда какъ теперь я явлюсь, какъ мнѣ казалось, истолкователемъ такихъ явленій и событій, отъ правильнаго пониманія которыхъ зависитъ наша будущность.

Въ официальномъ отношеніи я былъ награжденъ свѣше мѣры. Въ теченіе одного года я получилъ орденъ св. Георгія Побѣдоносца, золотое оружіе, генеральскій чинъ, Станислава I степени, зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Объ иностранныхъ орденахъ и болѣе мелкихъ наградахъ не говорю, ихъ также не мало. Но, что преисполнило мою душу живѣйшею и безпредѣльною благодарностью, это личная ко мнѣ Царская ласка. Не могу вспомнить безъ особаго волненія, какъ Великій Государь благодарилъ меня за службу, интересовался не только ея подробностями, но и всѣмъ, меня касавшимся во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ моихъ ушахъ еще раздаются мелодичные звуки его ласковаго голоса. На что только я ни рѣшился бы, что только ни былъ бы готовъ сдѣлать, чтобы испытать вновь пережитое счастье.

Въ то время былъ балъ для гвардіи въ Дворянскомъ собраніи. Я былъ со своею невѣстою, Екатериною Адольфовною Эйхлеръ, мать которой Марія Сергѣевна, принадлежа къ роду

Татищевыхъ, была хорошо извѣстна всей царской фамилиі. Государь съ великими князьями, обходя залъ, остановился противъ меня и милостиво соизволилъ обратиться ко мнѣ:

— „А твоя невѣста здѣсь?“, и увидавъ ее, сдѣлалъ къ ней два шага и произнесъ:

„J'espère, mon enfant, que vous vous rejouissez bien, car c'est la meilleure époque de votre eie.

„Je vous souhait bonheur“.

Когда я былъ зачисленъ въ Государеву свиту и на слѣдующій же день, въ чужомъ мундирѣ, былъ во дворцѣ и благодарилъ за высокую честь, Его Величество съ благожелательною улыбкою изволилъ протянуть мнѣ свою державную руку и произнесъ:

„Не тебѣ *меня*, а *мнѣ* тебя слѣдуетъ благодарить. Спасибо тебѣ за твою умѣлую и славную службу. Вѣрю тебѣ и не сомнѣваюсь въ твоей преданности“.

Такіе знаки монаршаго вниманія, выраженные хотя-бы и одному изъ рода, должны служить для всѣхъ его членовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. священною реликвіею возвышеннаго духа и безпредѣльной преданности своимъ Государямъ, должны ограждать отъ всего нечистаго и низкаго и укрѣплять вѣру въ родовой девизъ, требующій жизни за правду.

Прежде всего я желалъ передать мои мысли о военно-государственномъ механизмѣ, выковавшіяся во мнѣ событіями въ глубокомъ убѣжденіи, съ помощью котораго проявленіе силы производилось бы безъ малѣйшаго напряженія, по потребности, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Основными началами должны были служить совѣтъ государственной обороны и мѣстные театры военныхъ дѣйствій. Первый необходимъ, какъ объединенный органъ полезнѣйшаго примѣненія всѣхъ средствъ государства для достиженія военно-политическихъ задачъ; вторые логически вытекали изъ разнообразнѣйшихъ условій обороны государственныхъ предѣловъ. Сильно смущало меня сомнѣніе, какъ бы это не было принято за критику существующей военно-окружной системы. Но я старался себя разувѣрить, что прежде всего должна ставиться въ массѣ польза дѣла, и мелкое самолюбіе не должно имѣть мѣсто, въ особенности, въ такомъ жизненномъ вопросѣ. Къ величайшему своему смущенію, изъ многократныхъ попытокъ объясниться ничего не выходило. Очевидно, меня принимали за одного изъ той массы легкомысленныхъ прожекторовъ, которые изъ на-лету схваченныхъ обра-

щавшихся въ обществѣ идей старались моднымъ проектомъ составить себѣ карьеру.

Издавна извѣстно, что кто хочетъ прочнаго мира, долженъ быть готовъ къ войнѣ. Теперь этого мало. Прѣжняя замкнутость государственной жизни замѣнилась крайне сложными международными отношеніями, при которыхъ частные и общественные интересы переплелись, далеко переступивъ государственныя границы. Все сильнѣе и сильнѣе выступаютъ на первый планъ условія всесвѣтнаго рынка, овладѣніе которыми составляетъ благополучіе народовъ. Заключение международного договора въ настоящее время требуетъ большого напряженія мысли, научной подготовки по всѣмъ отраслямъ знанія, высокаго ума и твердой выдержки характера. Но и этого мало. Чтобы вліять на податливость правительствъ, необходимо располагать самымъ вразумительнымъ средствомъ—подавляющимъ превосходствомъ физической силы. Мобилизовать вооруженныя силы нужно не только тогда, когда противникъ грозитъ войною, а чаще, и въ значительно большей степени, когда осуществляется планъ государственной политики.

Когда война была рѣшена, искали соглашеніемъ съ Вѣной обезпечить правый флангъ дѣйствующей арміи. Обезпеченность эта обошлась страшно дорого отторженіемъ подъ скипетръ Габсбурговъ двухъ чудныхъ славянскихъ провинцій. Въ эту цѣну, однако, не вошло согласіе на добытый войной результатъ. Пришлось опять платить берлинскимъ договоромъ, поступаться жизненными интересами, смиряться до положенія второстепенной державы. Ничего бы этого не было, если бы въ это время у насъ подъ ружьемъ стояло полтора или два милліона солдатъ. Издержки на формированіе этой силы, конечно, были бѣ ничтожными сравнительно съ тѣмъ успѣхомъ, который имѣли бы въ переговорахъ съ великими державами, опираясь на собственное могущество. Нужно сознать, что только одна Россія изъ всѣхъ государствъ Стараго Свѣта способна по производству и безъ серьезнаго ущерба своимъ матеріальнымъ средствамъ развертывать страшную силу. Вотъ когда военно-окружная система должна была показать свою эластичность; но при многихъ хозяйственныхъ и административныхъ достоинствахъ она обнаружила и крупныя дефекты. Когда же, какъ не непосредственно послѣ войны, слѣдовало энергично приняться за работу перестройки и исправленія государственнаго механизма съ практической и боевой точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, едва успѣла смолкнуть побѣдная канонада битвъ, какъ всѣмъ положеніемъ

успѣла овладѣть, столь опасная для дѣла, мирно-военная практика.

Выступая на славянскій театр войны Балканскаго полуострова, намъ слѣдовало создавать союзниковъ изъ тѣхъ самыхъ народностей, на освобожденіе которыхъ поднялись и начатки государственной жизни уже успѣли положить, а не искать для этого великаго дѣла союзниковъ на Западѣ. Въ военномъ отношеніи мы сдѣлали слабый починъ организациі болгарскаго отряда и пренебрегли своевременно озаботиться болѣе широкимъ развитіемъ образованія вооруженныхъ силъ мѣстностей, по мѣрѣ занятія ихъ нашими войсками. Но одновременно съ созданіемъ мѣстной боевой силы мы сдѣлали бы лучше, образовавъ прямо болгарское правительство подъ нашимъ наблюденіемъ, не вваливая на свои плечи эту обузу, и сейчасъ же приступило бы къ сложенію обще-славянскаго балканскаго союза. Въ такомъ случаѣ, нанеся послѣдній ударъ Турціи, мы были бы совершенно свободны повернуть нашъ фронтъ въ любую сторону. Если въ нашихъ сношеніяхъ съ молодыми славянскими государствами мы должны играть роль старшаго брата, то сразу встали бы къ нимъ въ правильное положеніе, предоставляя имъ самимъ развиваться и оберегая ихъ своимъ мечемъ отъ внѣшнихъ посягательствъ. Было бы несравненно выгоднѣе образовать громадную силу, чѣмъ надѣяться на справедливое отношеніе державъ къ нашимъ интересамъ.

Какъ держава по преимуществу земледѣльческая, Россія въ состояніи выдержать гораздо больше напряженія силъ, чѣмъ любая изъ державъ Западной Европы. Она въ значительно меньшей степени зависитъ отъ странъ мануфактуры и заводовъ, чѣмъ тѣ отъ привоза сырья и условій сбыта своихъ произведеній. Одно сознаніе этого превосходства уже даетъ другой тонъ нашимъ заявленіямъ и отниметъ престижъ авторитета у Германіи, малоспособной по многимъ причинамъ къ веденію продолжительныхъ и упорныхъ войнъ.

Съ перемѣною взгляда на свое положеніе мы сразу себѣ уяснимъ государственныя задачи, въ особенности, въ области военно-международной политики. Прежде всего мы сбросимъ неосновательныя опасенія, заставляющія насъ весьма часто отдавать предпочтеніе пассивно-оборонительному началу предъ активнымъ. Формальная сторона какъ военнаго дѣла, такъ и дипломатическаго, отойдетъ на задній планъ, а на первый выдвинутся тѣ начала, которыя вліяютъ на развитіе нравственной силы, національный подъемъ духа, жизненность всякаго

дѣла. Тогда едва-ли станутъ возможными такія явленія, какъ наша болѣе широкая колея, тяжелымъ гнетомъ отражающаяся на условіяхъ общественной жизни и обусловившая узкую колею завислинскихъ желѣзныхъ дорогъ; заграничные заказы предметовъ боевой подготовки; храненіе многомилліоннаго запаса золота въ иностранныхъ банкахъ и т. д. Мы найдемъ внутри себя духовныя силы и матеріальныя средства къ упроченію государственной силы и благоустройства.

Здѣсь я касаюсь лишь итоговъ моихъ впечатлѣній, часто случайныхъ и безъ строгаго сочетанія ихъ въ какой-либо системѣ. Я тороплюсь высказаться, чтобы подробностями не затемнить сущности дѣла. Дальнѣйшая разработка должна быть произведена общественными силами.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственномъ и общественномъ благоустройствѣ принадлежитъ средствамъ передвиженія шоссейными и желѣзными дорогами. Имъ обыкновенно предпочитаютъ школы, и въ этомъ заключается большое недоразумѣніе, такъ какъ и въ тѣсномъ смыслѣ просвѣщеніе массъ подвигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе развиваются пути сообщенія. Государственную территорію должна покрывать сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, равно способныхъ во всѣхъ направленіяхъ, а мы все еще говоримъ о линіяхъ и магистральныхъ. Тяжелымъ гнетомъ виситъ на дорожномъ развитіи стратегическое veto, въ конечномъ результатѣ не приносящее ничего, кромѣ вреда.

Нравственная сплоченность войсковой части всѣми войсковыми начальниками признается за одно изъ главнѣйшихъ условій для одержанія побѣдъ. Все военное воспитаніе направлено въ эту сторону. А между тѣмъ административные регламенты обуславливаютъ призывъ запасныхъ, изъ-за мелкихъ денежныхъ расчетовъ и ничтожныхъ удобствъ, не въ свои части, а ближайшія; и еще недавно люди направлялись въ бой особыми резервными частями, не имѣвшими ни малѣйшей нравственной спайки.

Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ мнѣ не приходилось такъ много думать о военныхъ предметахъ и военно-политическихъ государственныхъ задачахъ, какъ въ теченіе эпохи войны 1877—78 г.г. Жизненность и разнообразіе обстановки отражались непосредственно-яркими впечатлѣніями, устраняя искусственное напряженіе мысли, обычное явленіе мирно-военнаго труда. При томъ малѣйшее уклоненіе и неправильность пониманія немедленно исправлялись правдою жизни.

Потребность высказаться была весною, но время шло, а я все еще не имѣлъ случая говорить такъ, какъ мнѣ хотѣлось. При случайныхъ представленіяхъ военному министру объясненія носили общій характеръ, а на попытки затронуть болѣе серьезные вопросы я чувствовалъ ихъ неумѣстность, нежеланіе ихъ обсуждать. Два раза я докладывалъ, что при существующихъ условіяхъ мое пребываніе въ Константинополѣ бесполезно, но мои заявленія оставались безъ отвѣта. Когда же я повторилъ мой докладъ въ третій разъ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ съ обычною мягкостью спросилъ:

— „Что же собственно васъ стѣсняетъ? Ваше положеніе въ Константинополѣ, кажется, обставлено во всѣхъ отношеніяхъ вполне удовлетворительно?“

— „Въ матеріальномъ отношеніи, ваше сіятельство, мое положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго, но въ нравственномъ я чувствую себя органомъ инертнаго тѣла. Видѣть необходимость работы и не имѣть возможности ея исполнить большее испытаніе“.

Графъ перемѣнилъ разговоръ, а черезъ нѣсколько дней я былъ причисленъ къ главному штабу съ содержаніемъ въ 2400 руб. въ годъ.

Съ Н. Н. Обручевымъ у меня были частые разговоры, менѣе оффиціальнаго характера; но и онъ отъ словъ не переходилъ къ дѣлу, отвѣчая на мои настоянія стереотипною фразою: лучше сами переговорите съ Дмитриемъ Алексѣевичемъ. Еще изъ Константинополя я ему писалъ: „Вообще наши военные счеты всѣми посольствами считаются совершенно для нихъ посторонними и ничего общаго съ ними не имѣющими. Такой взглядъ большое зло. Хотя дѣятельность военнаго агента, какъ спеціалиста, не можетъ быть подчинена полному руководству посла или посланника, тѣмъ не менѣе должна сливаться съ общимъ ходомъ дѣлъ. Въ посольствѣ военный агентъ долженъ пользоваться значеніемъ совѣтника. Онъ докладываетъ послу и пользуется канцеляріею посольства, гдѣ имѣетъ свои дѣла и архивъ, а въ бібліотекѣ свой отдѣлъ. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь страдаетъ отъ отсутствія связи военный агентъ въ Константинополѣ. Мѣстный языкъ недоступенъ даже для знающаго его поверхностно. Періодическихъ изданій мало, изъ журналовъ почерпнуть можно тоже очень мало и крайне сомнительной достовѣрности. Остается побираться крупицами, попадающими то тамъ, то здѣсь, и прибѣгать къ частной агентурѣ, почти всегда неудовлетворительной и весьма дорого стоящей“...

„Личный составъ военной миссіи долженъ состоять изъ четырехъ лицъ: военнаго агента, какъ ея начальника, его помощника изъ офицеровъ военнаго флота, топографа и писаря-чиновника. Военный агентъ остается на мѣстѣ 3 года. При меньшемъ срокѣ онъ не будетъ имѣть времени достаточно познакомиться съ военнымъ положеніемъ Турціи, большій же срокъ не желателенъ, потому что выгоднѣе имѣть въ арміи больше офицеровъ генеральнаго штаба, хорошо знающихъ средства Турціи, чѣмъ двухъ или трехъ, знающихъ, быть можетъ, ее лучше, но слишкомъ втянувшихся въ мѣстную обстановку и потому сдѣлавшихся односторонними. Помощникъ военнаго агента смѣняется каждые два года. Для черноморскаго флота важно имѣть возможно большее число офицеровъ, сроднившихся съ окрестностями Босфора и знающихъ каждый изгибъ его устья и прилегающей полосы Чернаго моря. Напротивъ, топографъ долженъ назначаться на длинный срокъ, чтобы доводить съемку до совершенства. Въ матеріальномъ отношеніи военная миссіа должна быть совершенно обезпечена. Содержаніе чиновъ должно быть опредѣлено: военному агенту не менѣе 10 тыс. рублей, его помощнику 6 тыс., топографу 3 тыс., чиновнику 2 тыс. въ годъ металлическими. Для миссіи необходимо казенное помѣщеніе, рабочій кабинетъ и 3 верховыя лошади (въ зданіи консульства). При миссіи состоитъ кавасъ. Драгоманъ посольства при чтеніи турецкихъ газетъ, журналовъ и книгъ, должны отмѣчать имѣющія въ военномъ отношеніи значеніе мѣста и переводить для сообщенія въ миссію; равно какъ ей сообщаются такого же характера мѣста изъ текущей переписки посольства и консульскихъ донесеній“...

„При организаціи пограничныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, каждому долженъ соотвѣтствовать особый кабинетъ центрального управленія генеральнаго штаба, группирующій у себя соотвѣтственныя государства. Вѣдѣнію кабинета юго-западнаго раіона подлежатъ: Австро-Венгрія, Турція съ Египтомъ, Румынія, Болгарія, Сербія, Греція и Черногорія. Личный составъ кабинета постоянный и перемѣнный. Къ постоянному принадлежитъ 3 офицера генеральнаго штаба въ кабинетъ и военные агенты въ Вѣнѣ, Константинополѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Бухарестѣ и Аѣинахъ. Перемѣнный составляютъ шесть прикомандированныхъ, только-что выпущенныхъ изъ академіи. Молодые офицеры знакомятся со всѣми работами, но затѣмъ посылаются по два въ командировку примѣрно на 6-ть мѣсяцевъ: одни въ Австро-Венгрію и въ особенности на Адриатиче-

ское побережье; другіе—въ Румынію, Болгарію, Сербію и Грецію; третій въ Турцію, Египеть, Сирію и т. д. Осенью всѣ наблюденія сводятся, зимою печатаются сборники вновь или дополняются прежніе такъ, чтобы къ веснѣ имѣть точныя свѣдѣнія о сопредѣльныхъ странахъ“...

Правильны или нѣтъ были мои мысли, онѣ нарождались потребностями самой жизни. Ими интересовались, ихъ даже одобряли, но оставляли безъ серьезнаго обсужденія. Можно было предполагать, что другіе болѣе важные вопросы, какъ итоги минувшей эпохи, сосредоточивали на себѣ вниманіе специалистовъ. Ничего подобнаго не было. Какъ въ самую глубокую пору мирнаго времени, издавались книги и изданія не столько для оживленія знанія и разработки руководящихъ сборниковъ, сколько для отчетности и заполнения свободныхъ мѣстъ на бібліотечныхъ полкахъ. Направляющимъ директивомъ служило тщеславное самодовольствіе одержанныхъ на войнѣ конечныхъ успѣховъ. При такомъ положеніи всякій серьезный анализъ принимался за критику и осужденіе, почему дѣлался невозможнымъ.

Мое служебное участіе за это время выражалось въ редактированіи обзорѣнія азіатскихъ владѣній султана В. Н. Филипова и обзора Румыніи М. С. Андреева. Свою же личную потребность я осуществлялъ совмѣстною работою съ С. О. Макаровымъ, разрабатывая способъ овладѣнія дорогами Босфора съ моря.

Г. И. Бобриковъ.

